

ЖАЛОБА И УТЕШЕНИЕ В ЛИРИКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА*

В статье изучаются проблемы, связанные с теми модификациями, которым подвергается слово жалобы в лирическом высказывании первой трети XIX века, исследуются способы поэтического оформления и содержание жалобы, риторические приемы, которые применяют авторы для эффекта максимального воздействия на собеседника.

Ключевые слова: экспрессивные жанры, жалоба, утешение, лирическое высказывание.

В первой трети XIX века была жива потребность в каждодневном общении, понимании, взаимной услышанности и лицезрении друг друга. Письма и послания поэтов, принадлежащих близкому кругу, пестрят уверениями в любви, горячей привязанности, нескрываемым желанием прижать к сердцу, обнять; к другу обращены слух и зрение, его голос жадно ловят и в пору счастливых дней, и на смертном одре. Сдержанность эмоций не характерна для такого рода общения, которое может быть осложнено только не зависящими от воли участников разговора негативными обстоятельствами.

Необходимость быть услышанным рождает повышенную экспрессию лирики, особенно тех жанров, в которых воздействию на слушателя отводится большое место: жалоба, просьба. В центре внимания речевого акта жалобы – слово человека о себе и своих чувствах, и с этой точки зрения экспрессивные жанры могут быть признаны наиболее монологичными. Однако слово о себе неотделимо от слова о мире, и в жалобе человек выходит за рамки своей узкой индивидуальности, поскольку ему необходимы те нити, которые соединяют его с внешней сферой бытия. В несчастье в большей степени нуждаются в утешителе, которому можно излить душу. Склонность страдания к многословию была подмечена Жуковским: «Счастливы вечно молчаливы, / Одно несчастье – крикун!» («К княгине А.Ю. Оболенской»), 1820) [1].

Полноценный акт понимания между близкими людьми может быть осуществлен и минуя слова, в сфере невербального контакта, который тем более ценен: «Речь моего сердца к тебе прочти в своем сердце: если есть в нем толк, то ты, не требуя повторения, узнаешь всю мою подноготную» (из письма Вяземского А.И. Тургеневу, 1819) [2]; «И пусть в прихожей звон / О друге не доложит; / Но сердце, статья может, / Шепнет тебе: вот он!». (Вяземский, «К Батюшкову», 1816) [3]; «Почти забыл, что мы с тобой / Привыкли говорить сердцами» (Дельвиг, «К Илличевскому», 1818) [4]. «Сердцу высказать себя» возможно, когда собеседник настроен на твою волну, неравнодушен, не безучастен, твой личный опыт в полной мере испытан и им самим.

Вынужденное отстранение от общения рассматривается как наказание судьбы, род духовно-душевной смерти, пребывание во мраке, как, например, в стихотворении Вяземского «К моим друзьям Ж(уковскому), Б(атюшкову) и С(еверину)» (1812). На это ощущение работает весь текст в его грамматико-смысловом единстве:

* © Федосеева Е.Н.

*Но долго ль вас, друзья, мне ждать?
Когда просветит день свиданья?
Иль – жертвы вечного изгнанья –
Не будем чаши ликования
Друг другу мы передавать?*

*Иль суждено, чтоб сердца хлад
Уже во мне не согревался,
Как ветер в пустыне, стон терялся,
И с взглядом друга не встречался
Бродящий мой во мраке взгляд? [З: 63] (выделено мною.
– Е.Н.)*

Следует отметить намеренно затемненный колорит приведенных строк, усиленный холодом безотзывности, а в страдальческом стоне, который напрасно несется в ночи, содержится отчетливая аллюзия на библейское выражение «глас вопиющего в пустыне». Пребывание в дружеском круге неразрывно связывается с обретением живоносной силы и света по аналогии с картинами пробужденной природы: «Но вот уж мрак сошел с полей / И вьюга с ночью удалась, / А вас душа не допросилась... / Прийти ли когда заре моей?» [З: 63].

В древности руки, поднятые вверх, являлись знаком усиленной просьбы. Но здесь поэт «вотще» простирает руки к небесам, которые предстают как угнетающая, иррациональная, несправедливо наказывающая сила, глухая к жалобам страдальца.

В оценке Вяземского друзья являются неременным условием спасения его души, привносят в жизнь сияние и свет. Душевная соединенность в отсутствии физической представляется недостаточной для счастья: «Кто разлучил соединенных / Душой, руками соплетенных?». Здесь уместно привести отрывок из письма Батюшкова, заключающего традиционное прощание с адресатом следующим образом: «Поди, приблизься, еще поближе, ну, так! Хорошо! Теперь обними меня... и прощай!» [5]. Видение друга дает ощущение полноты собственного бытия, обретение опоры, противостоящей блужданию во мраке. И Христос посылал апостолов, чтобы свершить что-то значительное, не по одному, а по двое. Так они поддерживали друг друга, и их взаимная любовь привлекала к ним Божье благословение.

Когда проблема выходит за рамки частной ситуации и болезненные чувства вызывают общий миропорядок и ощущение своего бессилия противопоставить что-либо фатальным, непреодолимым внешним обстоятельствам, жалобы приобретают онтологический характер, а их тональность тяготеет к трагическому модусу.

Сюжетной основой стихотворения Боратынского «Напрасно, мы, Дельвиг мечтаем найти...» (1821) послужил миф о Прометее, который нарушил волю Зевса, восстал против Вечного и создал людей из земли и воды, по подобию олимпийских богов, смотрящими в небо. В структуре жалобы обычно присутствует момент обвинения кого-либо, как правило внешнего объекта.

Стоит отметить, что имя древнегреческого героя в переводе означает «мыслящий прежде», тогда как в послании Боратынского Прометей назван «безрассудным». Однако в своем отношении к Прометею Боратынский балансирует на грани осуждения и восхищения. Осуществив деяние, долженствующее показать его независимость от олимпийских богов, Прометей, как это ни парадок-

сально, создал род человеческий невероятно зависимым от воли верховных божеств. Интенция свободы вылилась в появление на свет рабов «непреклонной нужды», «насильственно» покоряемых «земным ощущениям».

Возвысившись над своей телесной природой, духовно оживленные божественной искрой, люди в то же самое время полностью открыли себя страданию, в истоке которого лежат противоборствующие устремления двуединой человеческой природы.

Тоска по небесной отчизне перекрывается страхом смерти, поэтому «случайная» жизнь, воспринимаемая как «недуг», тем не менее внушает к себе необъяснимую привязанность. Это – то бремя, которым тяготятся, но вместе с тем не желают с ним расстаться: «Наш тягостный жребий: положенный срок / Питаться болезненной жизнью, / Любить и лелеять недуг бытия / И смерти отрадной страшиться» [6].

Как искры, «сыны пламени», порождение костра, летят вверх, так и человек хочет вернуться к своему источнику. Ощущая себя полностью подвластными воле рока, люди мучительно переживают состояние богооставленности, отвержения. Небесное рождение оставило память о возможности «прямого блаженства», бессознательного, интуитивно ощущаемого, не имеющего четких контуров, рационально необъяснимого: «Нам памятно небо родное, / В желании счастья мы вечно к нему / Стремимся неясным желаньем!..» [6: 117].

В лирике Боратынского часто функционирует матрица в виде пары, организующей поэтический текст: ум/сердце, покой/волнение, вера/неверие, и прочее, что уже создает почву для диалога даже внутри текста, через эксплицирование различных мировоззренческих позиций, их конфликтности, примирения, противоречивости и т.д. Своеобразие поэзии Боратынского кроется во внутренней ее полемичности. Склонность «умом оспаривать сердечные мечты» приводит к тому, что Боратынский часто пребывает на грани парадоксов и противоречий. И в данном случае стихотворение построено на антитезе *земное – небесное*, что дает возможность автору зафиксировать внимание слушающего на семантически значимых понятиях.

Безусловная связь, которая существует между землей и небом, «беспечно» опирающемся на нее свой свод, еще более явственно указывает и на равнодушные небожителей по отношению к земным поселенцам, и на близость искомого и вместе с тем его недоступность, что объясняет появление в тексте имени еще одного греческого персонажа – Тантала, «сгорающего» «среди влаги прохладной», обреченного алкать, не насыщаясь.

Личная проблема, разрастающаяся до жалобы на все мироустройство, превращается в сетование. Жалоба всегда включает императивный намек: просьбу изменить ситуацию в лучшую сторону. При отсутствии адресата из плоти и крови, жалуясь, люди бессознательно уповают на вмешательство в их жизнь некой безличной силы, которая способна изменить то бедственное положение, в котором они оказались. Правда, для жалобы Боратынского характерна мужественная сдержанность, к которой поэт вынужден был прийти не в результате «ума холодных наблюдений», но – «сердца горестных замет». Бесплодность притязаний заявлена уже в слове, открывающем стихотворение («напрасно»), и подкрепляется в финале безнадежным «вотще». Фактически лирической темой стихотворения становится обреченность жалоб человека, мечтающего найти «блаженство прямое».

Когда говорящий понимает всю безрезультатность своих жалоб, то для него обращение к подобной форме высказывания является своеобразным способом лечения словом: высказанное вслух помогает партиципировать горе, вывести его за пределы собственного сознания, преодолеть его замкнутость на самом себе.

Внутри художественного пространства стихотворения нет надежды на позитивный исход для человека, в душу которого вложено стремление к счастью, но не даны возможности для претворения этого желания в жизнь. Однако жалоба предполагает перлокутивный, то есть практический, внелитературный эффект, поэтому стихотворение обращено к Дельвигу, на понимание и сочувствие которого Боратынский всегда мог рассчитывать. Послание Боратынского – скорее всего ответная реплика, имеющая свою предысторию в биографическом контексте размышлений на тему счастья. Состояние отчуждения и несвободы, горечь от того, что закрыты небесные врата, персонифицируется у Дельвига в образы, сходные с теми, что использовал Боратынский.

*Как слушал Лаэртид, привязанный к мачте,
Волшебные песни Скилийских Сирен
И тщетно к ним рвался – упрямые верви
Держали его, –
Так я, твоей лирой печально пленяясь,
Вотще порываюсь к святым высотам,
Знакомым бывало, и в робкие струны
Напрасно звучу.*

(«Ответ», 1820) [4: 148].

Своего рода «похвальное» слово страданию представляет послание Боратынского «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам» (1820). Присущая Боратынскому манера разговора строится на предъявлении другому веских аргументов в защиту или опровержение той или иной мировоззренческой позиции. Тем не менее это послание – утешение, а не просто умозрительные выкладки на тему счастья и несчастья. Утверждения, облачаемые в форму риторических вопросов, несут дополнительный эффект убеждения. С помощью риторики выражается эмоциональная телеология – сочувствие адресату, чем и объясняется теплое обращение к собеседнику: «Поверь, мой милый друг...».

Мысль о необходимости страдания сама по себе не нова, в том числе и в художественной литературе. Жуковский, утешая себя в минуты сердечных невзгод, любил повторять слова героя своей баллады Теона – «все в жизни к великому средство». С течением времени поэт стал разуметь под словом «все» только горечь, полностью исключив радость. Собственно, страданием и питалась поэзия Жуковского. Вяземский писал по этому поводу: «лавровый венец его – венец терновый, и читателя своего не привязывает он к себе, а точно прибывает гвоздями, вколачивающимися в душу. Сохрани, Боже, ему быть счастливым: с счастьем лопнет прекраснейшая струна его лиры» [7].

Интересно преломление этой темы Боратынским, который стремится убедить собеседника не столько в целесообразности страдания, сколько в его способности улаживать душу. Если бы приятие страданий было обусловлено исключительно надеждой на обещанное воздаяние, то в таком случае страдание трактовалось бы как необходимый, но диссонирующий момент в гармонии

целого. Боратынский, напротив, говорит о том, что способность к страданию и горестные обстоятельства, в которые часто бывает погружен человек, следует расценивать как благо, а не как наказание, пусть и ведущее в конечном итоге к очищению и совершенствованию души.

Слово страсть в евангельском контексте означает страдание, высшее напряжение души. Сострадание и сочувствие ведут к познанию наслаждения и в печали. Чувствительное сердце, открывающее человека страданию, уже само по себе являет награду, позволяя испытать те ощущения, которые в ином состоянии недоступны. Непосредственно в самом страдании поэт находит исток блаженства.

Счастье, состоящее в удовлетворении низших потребностей, Боратынским названо «мнимым», поскольку лишено духовной глубины. Даже высшие ценности бытия, переживаемые поверхностно, теряют свое значение (любовь – «однообразная», дружба – «ветренная», ощущения – «слепые», душа – «рассеянная» и «праздная»). Беспечное веселье, пользование всякими удовольствиями и развлечениями оставляет в душе человека мучительное ощущение пустоты и бессодержательности. Радости разнообразной деятельности меркнут от сознания ничтожности и случайности результатов труда.

Оценить со стороны, насколько счастлив или несчастлив кто-либо, представляется затруднительным, внутреннее состояние не находится в прямой зависимости от наличия или же отсутствия внешних благ, но определяется индивидуальными особенностями конкретной личности. Страдающий, но вместе с тем пребывающий в гармонии с самим собой человек, может быть назван счастливым. По мнению Боратынского, страдание не наносит ущерба тем, кто обладает чутким сердцем, способным чувствовать сильно и глубоко. В страдании, выводящем человека из его индивидуалистической замкнутости, обособленности навстречу солидарности, совместности и общности, Боратынский видит залог большей любви людей по отношению друг к другу.

Страдание трактуется как особый талант, ведомый лишь избранным. Оно дает более широкий спектр чувств, расширяет границы познания (счастливым «силы жизни неизвестны»), освещает то, что для прочих остается в темноте. Зато Боратынским ставится акцент на бездейственности, лени, праздности души «счастливых». Пустота также может быть бременем: «бездейственность души счастливых тяготит». «Мнимое» счастье характеризуется как нечто, приходящее извне, тогда как источником истинного счастья или несчастья являются душевные способности.

Неглубокие, бессознательные, минутные чувства рождают скуку. Счастье эгоистично и не нуждается в собеседнике в той мере, в какой несчастье. Тавтологические сочетания подчеркивают безынтересность такого рода счастья: «веселье веселит», «радость отрадная». Счастье, лишенное нравственного фундамента, не может называться счастьем. Исключая себя из круга «мнимых счастливых», Боратынский утверждает принадлежность свою и адресата к счастливым страдальцам.

Это великий дар, когда человек видит в страданиях духовно осмысленное явление, призыв к просветлению души, ведущий к совершенствованию. И.А. Ильин писал: «Человек, которому послано страдание, должен чувствовать себя не «обреченным» и не «проклятым», но «взысканным», «посещенным» и «призванным»: ему позволено страдать, дабы очиститься» [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. – Т. 1. – М., 1999. – С. 214. Далее тексты стихотворений цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
2. Вяземский П.А. Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1812-1819). – М., 2004. – С. 100.
3. Вяземский П.А. Стихотворения. – Л., 1986. – С. 96. Далее тексты стихотворений цитируются по этому изданию.
4. Дельвиг А.А. Призвание: Стихотворения. – М., 1997. – С. 124. Далее тексты стихотворений цитируются по этому изданию.
5. Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М., 1989. – С. 148.
6. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. – СПб., 2000. – С. 117. Далее тексты стихотворений цитируются по этому изданию.
7. Вяземский П.А. Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1812-1819). – М., 2004. – С. 227.
8. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Путь к очевидности. – М., 1998. – С. 622.

E. Fedoseeva

COMPLAINT AND CONSOLATION IN THE POETRY OF THE FIRST THIRD OF XIX-TH CENTURY

The article examines expressive discourses. The most important instance are complaints, which have traditionally been imbued with the qualities of sincerity and immediacy, since they occur in cases of direct contact between people – “heart to heart” so to speak.

Key words: expressional genres, complaint, consolation, lyrical statement.